

ЧАК
ПАЛАНИК

**CHUCK
PALAHNIUK**

**FUGITIVES
AND REFUGEES:
A WALK IN
PORTLAND,
OREGON**

ЧАК
ПАЛАНИК

БЕГЛЕЦЫ
И БРОДЯГИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

П14

Серия «От битника до Паланика»

Chuck Palahniuk

FUGITIVES AND REFUGEES:

A Walk in Portland, Oregon

Перевод с английского *Т. Покидаевой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения Crown, an imprint of Random House,
a division of Penguin Random House LLC
and with Synopsis Literary Agency.

Книга содержит нецензурную брань.

Паланик, Чак.

П14 Беглецы и бродяги / Чак Паланик ; [перевод с английского Т. Покидаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с. — (От битника до Паланика).

ISBN 978-5-17-163250-2

Портленд, штат Орегон.

Здесь на излете «проклятых восьмидесятых» родилась дикая, неистовая гранж-культура, подарившая миру великий рок-н-ролл, гениальное кино и талантливую литературу.

Портленд, штат Орегон.

Город, который стал для «поколения Икс» и его наследников тем же, что Сан-Франциско для хиппи, Лондон — для панков и Новый Орлеан — для черных готок. Контркультурный форпост нашего времени, в путешествие по которому вас приглашает культовый уроженец и летописец Портленда — Чак Паланик...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Chuck Palahniuk, 2003

© Перевод. Т. Покидаева, 2019

ISBN 978-5-17-163250-2

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Моей бабушке Рут Таллент
1920—2002

Предисловие.

Края распускаются в бахрому

— У каждого, кто живет в Портленде, есть три жизни как минимум, — говорит Катерина Данн, автор «Полоумной любви». Она говорит: — У каждого *по меньшей мере* три разные личности.

Она сидит на окне, на четвертом этаже, в своей квартире в северо-западном Портленде, скручивает папироски и курит. Ее длинные светлые волосы, расчесанные на прямой пробор, собраны в хвост. Очки в черной оправе. Батареи тихонько постукивают, внизу на Глисен-стрит воют сирены.

— Скажем, кассир в бакалейном отделе, археолог и байкер, — продолжает она. — Или поэт, трансвестит и продавец в книжном.

Она скручивает еще одну папироску и говорит:

— Тут все очень хитро, потому что богатые хорошо маскируются. И никак не поймешь: может

быть, этот неряшливый дядечка за прилавком на самом деле какой-нибудь богатея, который может купить магазин целиком, прожевать и выплюнуть.

Она курит и говорит:

— А милые, вежливые старушки с Вест-Хиллс — с их аккуратными кофточками и перламутровыми украшениями, — они все яростные сторонницы смертной казни.

В окне у нее за спиной — зеленые холмы. На стенах — картины и книжные полки. Все стены выкрашены в насыщенные переливчатые цвета: зеленый и темно-красный. В вазе на столе в гостиной — желтые фрезии. В кухне над раковиной — фотография в рамке: Тресси, Катерина бабка по маминой линии, которая в возрасте восемнадцати лет самостоятельно ломанулась на запад и проехала по железной дороге через обе Дакоты, подвязавшись стряпухой в поезде, чтобы отработать проезд.

У Катерины есть своя теория: все, кто хочет начать новую жизнь, едут на запад, через всю Америку к Тихому океану. А из всех западных городов жизнь дешевле всего в Портленде. То есть мы, портлендцы, — самые тронутые из всех тронутых. Неудачники из неудачников.

— Все, кто с большим прибабахом, тут и оседают, — говорит она. — Все мы здесь — беглецы и бродяги.

В 1989 году у Катерины вышел роман «Полоумная любовь», сразу же ставший бестселлером. Место действия — Портленд. Эта книга — в ней рассказывается о семье нищих отверженных циркачей, которые специально рожают неполноценных детей-уродов, потому что публика любит смотреть на уродцев и готова за это платить, — пожалуй, самый известный роман из всех, где действие происходит в Портленде. Катерина хотела, чтобы действие «Полоумной любви» разворачивалось в таком месте, которое не вызовет у читателя никаких ассоциаций.

— В молодости, когда я жила в Париже, — говорит она, — я ходила по городу и видела город как его видят импрессионисты. Только так и никак иначе. Я видела город глазами импрессионистов и поэтому не могла воспринимать его по-другому.

Вот как родилась идея «Полоумной любви»: однажды семилетний сын Катерины, Бен, не захотел пойти с ней в Сад роз, и Катерина пошла одна.

— Я бродила среди гибридных цветов, и вдруг мне подумалось: «В природе так не бывает, а жалко — я бы тогда *сконструировала* себе очень послушного сына».

Она ходила в бассейн при Учебном центре городской общины, плавала и сочиняла историю для своей книги. Она много лет проработала в городс-

кой газете, вела еженедельную колонку «Кусочек из жизни» — про всякие странные, с сумасшедшинкой, случаи в Портленде.

Она говорит, что у Портленда теперь появилась своя индивидуальность.

— Теперь, когда кто-нибудь говорит «Портленд», или «Сиэтл», или «Валла-Валла», люди уже не таращат на него пустые глаза.

Сейчас Катерина Данн работает над новой книгой. У нее вышло переиздание «Полоумной любви» — для нового поколения восторженных почитателей. Но она все равно не собирается уезжать.

— Во-первых, я не умею водить машину, — говорит она. — И потом, я обожаю бродить по улицам. Тут на каждом углу поджидает история. — Она выдыхает дым в окно над Глисен-стрит. — Вот, — говорит она, — куда ни помотришь, везде — история твоей жизни.

И Катерина права. Истории поджидают на каждом углу. И на каждом холме.

В 1980 году, ровно через шесть дней после школьного выпускного, я приехал в Портленд и поселился в квартире в Берлингейм-Вью, на крутом склоне холма, густо заросшего ежевикой, над супермаркетом «Фред Мейер» на бульваре Барбур (ЮЗ).

Мы снимаем квартиру втроем: я и еще двое парней. Они оба работают в ресторане, так что у нас вся кладовка забита коробками с краденой едой. Несколько ящиков шампанского. Трехгаллонные банки с улитками в оливковом масле. Травку и прочие радости жизни мы покупаем у знакомого поставщика, который живет на Киллингсворт-стрит (СВ) и работает гончаром — сидит у себя в подвале, укуренный вусмерть, и ваяет кофейные кружки, по пятьдесят кружек в день. Подвал заставлен решетчатыми противнями с сотнями совершенно одинаковых кружек, которые дожидаются своего часа, когда их обожгут в печи. Ему лет двадцать пять, двадцать шесть. Уже совсем старый.

Днем я работаю курьером в газете «Орегонец», развожу гранки рекламных объявлений. По вечерам мою посуду в ресторане морепродуктов «Jonah's». Ребята, мои соседи, приходят домой, и мы кидаемся друг в друга едой. Скажем, кусками вишневого пирога, большими липкими красными кусками. Нам по восемнадцать лет. Мы уже совершеннолетние. То есть взрослые — по закону. Каждый вечер мы курим травку и пьем шампанское, разогреваем улиток в микроволновке. Прожигаем жизнь.

В какой-то момент совершаю ритуальное жертвоприношение: выкидываю свои миндалины, которые мне вырезали в детстве, — я потом нашел их

у себя, в банке с формальдегидом, с биркой больницы Лурдской Богоматери. Загадываю желание и широким жестом бросаю банку с балкона, в кусты ежевики, что покрывают весь склон.

Когда друзья и родные приезжали к тебе в Портленд, насчет культурной программы — развлечь гостей — тут все было нормально. Сперва ты водил их в Музей манекенов Ван Кальвина. Это душный и жаркий складской ангар, где сотни пыльных манекенов расположились в художественном беспорядке среди жутковатых декораций. Мне больше всего нравился зал, где семьдесят голых детишек, покорябанных и помятых, сидят перед громадным телеэкраном и смотрят черно-белые мультики.

Потом вы посещали Круглосуточную Церковь Элвиса, где священники женили туристов и прилюдно над ними стебались. Потом — Западное Общество большеногих. Потом — музей НЛО. Может быть, вы водили гостей на стриптиз в старом Каретном ряду. Или на дискотеку в клуб «Сафари», где были чучела редких видов тигров, львов и леопардов, изрядно потрепанные и провонявшие сигаретным дымом. Или на вечеринку ОРГАСМа (Орегонской гильдии активистов садо-мазо), где демонстрировались разнообразные способы связывания и оргазмических пыток. Потом вы катались на Сэмт-

реке, самой маленькой в мире железной дороге, а там уже и выходные заканчивались.

Вот так мы и жили в те старые добрые времена, когда Рональд Рейган и Джордж Буш (старший) называли Портленд Маленьким Бейрутом и приезжали сюда с опаской. Каждый такой приезд означал, что под окнами президентского номера в «Хилтоне» на Бродвее (ЮЗ) обязательно соберется толпа анархистов. Они обедались картофельным пюре, обычным белым или подкрашенным пищевыми красителями — красным или синим. Потом, когда прибывал президентский кортеж, они пили сироп рвотного корня и облевывали весь отель белым, красным и синим.

Правда, никто не знал, что под воздействием желудочной кислоты синий пищевой краситель становится зеленым. Так что все это смотрелось как будто они протестуют против Италии... Но исполнение — это не главное. Главное — сама *идея*.

Тяжкий вздох.

Одна беда с неподшитым краем: не закрепишь — будет мохриться.

Сейчас в Портленде живут Тоня Хардинг и Боб Паквуд. Для сотрудников ФБР, которые «отрабатывают» серийных убийц, Тихоокеанский северо-запад — это убойная зона Америки, потому что народ тут доверчивый и дружелюбный. Пустынная,

дикая местность — всегда под рукой. Климат дождливый, и все очень быстро сгнивает.

Эта книга — как бы собрание моментальных снимков из портлендской жизни. Такой фотоальбом, но в словах. От убийц с топорами до пингвинов, фетиширующих на ботинки. От подпольных опиумных притонов до экскурсионных пожарных выездов и живых секс-шоу. В официальной истории Портленда вы ничего этого не найдете. От разбуянившихся Санта Клаусов до Самоочищающегося Дома. И это только верхушка айсберга под названием Портленд, штат Орегон. Мифы. Слухи. Истории с привидениями. Кулинарные рецепты. Немного истории, немного легенд. И люди, конечно же, люди — чистосердечные, замечательные, дружелюбные. Прекрасные люди, которым, может быть, стоило попридержать язык.

А между встречами с людьми и местами, куда обязательно надо сходить или съездить, будут открытки. Но не из городов и местечек, а из определенных мгновений в Портленде.

Например, моя первая портлендская квартира на бульваре Барбур. Через месяц одного из моих соседей в третий раз арестовали за вождение в пьяном виде, и он поспешно уехал в Сиэтл, чтобы его не засадили в тюрьму. Второй сосед влюбился в какую-то шведку. Она подарила ему золотую ложечку.

ку для кокаина с рубином на ручке, и они тоже уехали, чтобы пожениться.

Из трех моих жизней — курьер — посудомойщик — вечно укуренный раздолбай — одной я лишился в тот достопамятный вечер, когда какие-то двое парней ограбили ресторан «Jonah's». На головах у них были наволочки, а в руках — дробовики, они велели мне лечь на асфальт на стоянке. Я так долго лежал, прижимаясь лицом к асфальту, что у меня потом лоб был — сплошной синяк. Хозяин ресторана хотел сплутовать и получить по страховке как можно больше и попросил, чтобы я в разговоре с полицией вдвое завысил число украденного имущества. В кои-то веки я сказал правду, и меня вышвырнули с работы.

Я переехал со старой квартиры в комнату.

И все-таки где-то там, на крутом склоне холма, среди кленов и зарослей ежевики, лежат мои детские миндалины. Там, куда я их зашвырнул. Я тогда загадал желание: стать писателем.